

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 294–306
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 294–306
© Автор(ы) 2017

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТИЛЬ АХЕМЕНИДОВ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИСКУССТВЕ СЕВЕРНЫХ САТРАПИЙ НА МАТЕРИАЛЕ АРХИТЕКТУРЫ

Р.Р. Вергазов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
vergazov-ramil@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния официального стиля Ахеменидов на провинциальную архитектуру северных областей империи, предоставляющих репрезентативный материал памятников ахеменидского круга. Анализ основных типов древнеперсидских построек (дворца ападаны, «хадиша», входных ворот-пропилей и башенных сооружений) в Пасаргадах, Сузах и Персеполе позволил выявить характерные черты официальной архитектуры Ахеменидов, которые внедряются в провинциальное зодчество сатрапий. К их числу относятся колонные гипостильные залы, унифицированный тип башенного фасада-портика, принцип симметрии в планировке, специфическая ордерная декорация и общие планировочные решения, основанные на типологии дворцов Персеполя. Автором была предложена классификация памятников северного региона империи по культурным особенностям областей, на ее основе выделены две группы построек, различающихся спецификой влияния официального стиля Ахеменидов. Первая группа представляет симбиоз древнеперсидской архитектуры с местной развитой строительной традицией, унаследовавшей достижения зодчества Урарту. К первой группе относятся памятники ахеменидской эпохи в Эребуни, Алтын-тепе, Аргиштихинили и Драсханакерте. Постройки второй группы примечательны прямой ориентацией на классические образцы официальной архитектуры Ахеменидов V в. до н.э. при незначительном влиянии местного зодчества. Ко второй группе можно отнести памятники Гурбан и Идеал Тепе (близ Гараджамирли), Сары Тепе, Гумбати и Самадло. В статье рассмотрены особенности типологии, конструктивных принципов и ордерных форм памятников провинциальной архитектуры северных областей державы Ахеменидов, а также дана характеристика процессов синтеза официального стиля с местными строительными традициями в обеих группах.

Вергазов Рамиль Рафаилович – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: архитектура, Ахемениды, официальный стиль, север империи, сатрапия Армения

Введение

Искусство Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н.э.) представляет собой завершающий период развития художественной культуры Древнего Востока I тыс. до н.э. Наивысшим достижением древнеперсидского искусства по праву считается официальный стиль, реализованный в классических памятниках дворцовых комплексов V в. до н.э. в Сузах и Персеполе.

Официальное искусство персов послужило важным инструментом внутренней политики Ахеменидов, направленной на интеграцию («иранизацию») различных областей империи и создание на их основе единого культурного пространства *Rex Persica*¹. В период своего расцвета официальный стиль оказал мощное влияние на развитие локальных художественных традиций сатрапий. Особое место среди провинциального искусства Ахеменидов занимают памятники северной части империи (территории Закавказья). Данный регион интересен для исследования проблемы влияния официального искусства Ахеменидов на местную художественную традицию, поскольку Закавказье предоставляет репрезентативный материал памятников ахеменидского круга, позволяющий исследовать их особенности, выявить степень влияния образцов официального стиля, а также затронуть проблему классификации зодчества данного региона.

Выбор материала архитектуры обусловлен ее большим значением в художественной культуре Ахеменидов – зодчество является стилеобразующим элементом для классического искусства древней Персии. Унифицированные строительные принципы и архитектурная типология Ахеменидов для памятников Закавказья служат важнейшим маркером не только влияния официального стиля, но и присутствия персов в этом регионе. В отличие от более «мобильных» ювелирных произведений и торевтики, архитектурные формы значительно труднее импортировать без участия столичных мастеров. В этой связи важно отметить, что обилие ахеменидских черт и относительно хорошая сохранность найденных построек VI–IV вв. до н.э. в Закавказье дает возможность не только рассмотреть особенности отдельных памятников, но и проанализировать данный материал в общем контексте развития архитектуры древнеперсидской империи.

* * *

Архитектура Ахеменидского Ирана является одним из основных компонентов официального стиля, отражающего идеологические задачи искусства персов². Для создания своего дворцового зодчества персы задействовали архитектурное наследие Месопотамии, Мидии, Анатолии, Хеттского царства, Египта и Урарту. Всего за полстолетия (550–500 гг. до н.э.) произошел процесс отбора архитектурных форм и их трансформации в новые специфически ахеменидские строительные решения. Одним из главных достижений классической древнеперсидской архитектуры является типология дворца аудиенций (ападаны). Данный тип стал

¹ Brosius 2010, 33–34.

² См.: Root 1979, 1–5, 309–311.

образцом для создания других построек Ахеменидов, воплотивших церемониальные концепции официального стиля персов.

Ападаны были построены в эпоху Дария I (нач. V в. до н.э.) в столичных ансамблях Суз и Персеполя. Изучение особенностей этих построек позволяет выявить характерные черты официальной архитектуры Ахеменидов V-IV вв. до н.э. Классическая ападана представляет собой квадратное в плане сооружение, построенное из кирпича сырца (стены) и камня (колонны, лестницы, цоколь и портики)³. Дворец возводился на *искусственной каменной платформе*. Цоколь ападаны Персеполя украшают рельефы, архитектурно не утяжеляющие конструкцию. Планировочное решение дворца аудиенций основано на *квадратном 36-колонном (6×6) гипостильном зале* – характерном элементе классической архитектуры Ахеменидов. Гипостиль окружен с трех сторон 12-колонными (2×6) фасадами-портиками, а также фланкирован по углам башнями – квадратными помещениями, где, по-видимому, располагались посты царской охраны. *Унифицированный тип башенного фасада*, впервые разработанный в раннеахеменидских постройках Пасаргад, стал основным принципом организации фасада классических дворцов Персеполя. С четвертой стороны ападаны расположены служебные помещения, соединенные с другими постройками. Планировка дворца выявляет еще одну характерную черту архитектуры персов – *строгую симметричность в расположении частей сооружения*.

Гипостильный зал является конструктивным и смысловым центром ападаны. Его пространство обладает выраженной центрической композицией с пересекающимися осями входов. Гипостиль ападаны полностью отвечает задачам официального стиля Ахеменидов, связанным с созданием необходимой обстановки для царского церемониала. Большое пространство гипостиля облегчалось для лучшей видимости царя предстоящими перед его тронном подданными за счет длинных тонких каменных колонн (отношение диаметра к высоте 1:10). В связи с ахеменидским орденом важно отметить *принцип распределения разных форм баз колонн*, выделяющих гипостиль (квадратные ступенчатые базы «пасаргадского типа») и портики (колоколовидные базы «персепольского типа»). Кроме того, этот принцип в Персеполе коснулся и капителей: в гипостиле применяются капители с протомами быков, а в портике – с полуфигурами львов. В результате классический тип ападаны является квинтэссенцией конструктивных решений архитектуры Ахеменидов, а также отражает программу официального стиля.

Следует отметить, что типология ападаны оказала влияние на архитектуру жилых дворцов Ахеменидов. В частности, дворец «хадиш» Ксеркса (480-460-е гг. до н.э.) в Персеполе повторяет в уменьшенном виде ападану⁴. Планировка центральной части дворца состоит из 36-колонного квадратного гипостиля и 12-колонного башенного фасада. При этом «хадиш» не имеет боковых портиков. Их место занимают внутренние комнаты, среди которых выделяются квадратные в плане *четырёхколонные помещения*. Они являются характерным архитектурным элементом классических построек Ахеменидов и встречаются также в здании Гарема и трипилоне⁵. Вход на террасу с «хадишем» был оформлен парадной лестницей

³ Schmidt 1953, 70–82, fig. 30.

⁴ Schmidt 1953, fig. 97.

⁵ Schmidt 1953, 121, 258–259, fig. 52, 105.

и квадратным четырехколонным павильоном (или скорее воротами), соединенным стеной с северной частью дворца. Видимо, сам тип «хадиша» подразумевал наличие монументальных ворот и это отчасти подтверждается провинциальным комплексом Ахеменидов близ Гараджамирли⁶.

Не менее значима для классической архитектуры персов *типология входных ворот-пропилей*. Данный тип был взят персами из греческих памятников Анатолии, восходящих к крито-микенским образцам. Трансформация исходного прототипа связана с внедрением колонного зала и заменой фасада-портика порталом с монументальными скульптурами. Развитие ахеменидских пропилей шло по пути от прямоугольных ворот с восьмиколонным залом в Пасаргадах («дворец R», 540-е гг. до н.э.)⁷ к более компактным квадратным в плане пропилеям с *четырёхколонным залом* (ворота Суз и Персеполя). В классической архитектуре Ахеменидов можно выделить два варианта ворот в рамках этой типологии. *Первый вариант* представлен пропилеями Дария-Ксеркса (1 четв. V в. до н.э.) и незаконченными воротами (кон. V в. до н.э.) в Персеполе⁸. Их основу составляет компактный *квадратный четырехколонный зал*, входы в который оформлены *масштабными скульптурами*. *Второй вариант* связан с «воротами-пропилеями», монументальными «воротами Дария» в Сузах (нач. V в. до н.э.) и зданием трипиллона в Персеполе. Характерными чертами этих построек является наличие *боковых вытянутых помещений* и организация фасадов *двухколонными портиками*, фланкированными башнями. При этом они сохраняют в своей основе квадратный четырехколонный зал (кроме более упрощенных «пропилей» в Сузах). Основным декором ворот являются *ступенчатые ниши*, украшавшие как внешние стены, так и внутреннее пространство залов. В результате классическая архитектура Ахеменидов предлагает свой тип входных ворот в виде отдельно стоящего здания, служившего парадным входом в дворцовый комплекс.

В контексте наследия зодчества Урарту следует выделить и типологию *ахеменидских башнеобразных сооружений*. Впервые возникший в архитектуре Пасаргад (башня т.н. «Зиндан-и Сулейман») данный тип на протяжении столетия практически не изменился. Второе башенное сооружение (т.н. «Кааба Зороастра») в Накш-и Рустаме фактически копирует раннеахеменидский образец. Он представляет собой массивную квадратную в плане каменную постройку на трехступенчатом цоколе с высокой лестницей, ведущей в небольшое помещение в верхней части сооружения. Углы башен усилены контрфорсами. Архитектурный декор состоит из слепых окон, узких вертикальных ниш и зубчатого карниза. Единственное отличие – в башне Пасаргад внутреннее помещение имеет не квадратную (как в Накш-и Рустаме), а прямоугольную форму. По своей планировке и декорации эти сооружения восходят к урартскому типу храмов-башен, найденных в Алтын-Тепе, Топраккале и др. Однако назначение ахеменидских башен остается неясным. По-видимому, они были связаны с церемониалом и могли предназначаться для хранения царского штандарта и других инсигний⁹.

⁶ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 8–17.

⁷ Stronach 1978, fig. 24.

⁸ Schmidt 1953, fig. 26, 59.

⁹ Stronach 1978, 131–136, fig. 59, 63.

Таким образом, официальная архитектура Ахеменидского Ирана на основе синтеза различных строительных традиций создала собственный персидский архитектурный язык, типологию, ордерные формы и декорацию. Церемониальная программа официального стиля получила воплощение в композиционных решениях построек столичных комплексов Суз и Персеполя¹⁰. Очевидно, что классическая архитектура Ахеменидов повлияла на развитие провинциального зодчества сатрапий. При этом процесс влияния столичных архитектурных форм на местные традиции породил симбиоз двух культур. Во многом степень «иранизации» провинциальной архитектуры зависела как от развитости местных строительных школ, так и от уровня интеграции региона в официальную культуру Ахеменидов. В этом отношении памятники северного региона империи представляют локальный вариант официального стиля, обладающий своей спецификой.

* * *

Проблема классификации провинциального зодчества севера империи Ахеменидов неминуемо затрагивает вопрос о критериях отбора материала. В качестве таковых выступают характерные черты ахеменидской архитектуры. К их числу следует отнести *типологию, планировку, ордерные формы*, а также *унифицированные строительные принципы*. Именно эти особенности, наряду с находками материальной культуры, являются объективными критериями атрибуции памятников древнеперсидской эпохи.

Архитектурные сооружения Ахеменидов в Закавказье можно классифицировать по степени внедрения черт столичных памятников официального стиля в местное зодчество. В этой связи следует выделить две группы построек, связанных с различными областями закавказского региона. Дело в том, что сатрапия Армения, охватывавшая всю северную часть империи, вероятно, состояла из трех административных округов: «западная Армения» (от севера Евфрата до озера Севан); «центральная Армения» (земли саспиров и алародиев до Большого Кавказского хребта) и «Колхида» (восточное побережье Черного моря до реки Риони)¹¹.

В контексте нашей классификации *первая группа памятников* связана с «западной Арменией». Эта область имела тесные политические и культурные связи с Ираном, поскольку с конца VII в. до н.э. была присоединена к Мидии. При этом данный регион был наследником богатой художественной традиции царства Урарту (IX–VII вв. до н.э.). Влияние памятников официального стиля Ахеменидов на местную архитектуру породило свой вариант провинциального зодчества. Его специфика связана с процессом синтеза конструктивных принципов официальной архитектуры Ахеменидов с местной традицией. Данный синтез выражается в сохранении планировочных решений урартских построек, которые адаптируются под персидский тип гипостильных залов. Выбор гипостиля не случаен – это ключевой элемент официальной архитектуры Ахеменидов. Тем не менее использование изначальных построек эпохи Урарту накладывало свой отпечаток на композицию новых дворцов (отсутствие башенных портиков, асимметрия в плане, уменьшение количества колонн в гипостиле), которые встраивались в уже существующий контекст постройки. В результате, отражение официального сти-

¹⁰ Razmjou 2010, 233–244.

¹¹ Jacobs 1994, 183–186.

ля персов в памятниках «западной Армении» происходило через призму местной развитой архитектуры, обеспечивавшей сочетание новых решений с традиционными чертами. К *первой группе* можно отнести ахеменидские памятники в Эребуни, Алтын-тепе, Аргиштихинили и Драсханакерте.

Вторая группа представлена «центральной Арменией» и Колхидой. Эти области были заселены племенами саспиров, колхов и алародиев, которые находились на разных уровнях развития общественных институтов и культуры. Колхи переживали становление государственности¹², в то время как у саспиров и алародиев все еще существовал родоплеменной строй. Учитывая специфику развития местных культур, Ахемениды применили здесь модель «киризации» с акцентом на большую аккультурацию и импорт своих художественных форм. Это обстоятельство и определило облик провинциальной архитектуры Ахеменидов в этом регионе, где в I пол. I тыс. до н.э. отсутствовали развитые строительные традиции¹³. Специфика этой группы обусловлена прямой ориентацией на классические образцы официальной архитектуры Персеполя. Местные постройки вельмож и родовой знати следовали типологии, строительным принципам и ордерным формам дворцов Ахеменидов, воспроизводя их как знак своего высокого статуса в иерархичной системе управления империи. Кроме того, архитектура нескольких укрепленных центров на северной окраине находит аналогии в планировке ахеменидских памятников Бактрии¹⁴, т.е. соотносится с общим развитием зодчества сатрапий. Ко *второй группе* относятся ахеменидские постройки близ Гараджамирли, в Сары Тепе, Гумбати и Самадло. Провинциальная архитектура «центральной Армении» и Колхиды в большей степени восприняла влияние официального стиля, образцы которого нашли прямое отражение в постройках этих областей.

Наиболее показательным памятником *первой группы* является «дворец-ападана» в бывшей урартской крепости Эребуни – новом административном центре сатрапии Армения¹⁵. Это сооружение возникло после перестройки урартского храма бога Халди в V в. до н.э. Процесс трансформации архитектурных форм происходил путем присоединения к 12-колонному портику храма еще 18 колонн. В результате возник 30-колонный (6×5) почти квадратный (29×33 м) в плане гипостильный зал¹⁶. В этой связи важно отметить, что общее количество и расстановка колонн в Эребуни следует планировке 30-колонного гипостиля «дворца Р» эпохи Кира II в Пасаргадах. В Эребуни применены квадратные базы колонн, состоящие из двух плитов – они также восходят к пасаргадским образцам. Эти параллели указывают на высокий статус постройки, предназначавшейся для сатрапа. Большой гипостильный зал ападаны Эребуни служил парадным пространством для официальных церемоний и аудиенций. К урартской части постройки относятся прямоугольный зал и квадратное служебное помещение с юго-западной стороны. Сохранение этого помещения эпохи Урарту не случайно – вероятно, оно выполняло те же охранные функции, что и угловые башни, фланкировавшие фасады построек Ахеменидов. В целом дворец Эребуни следует архитектурному

¹² Лордкипанидзе 1978, 14–19.

¹³ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2010, 113.

¹⁴ Сагдуллаев 1987, 45.

¹⁵ Ter-Martirossov 2001, 157, fig. 3.

¹⁶ Оганесян 1961, 79.

типу ападаны в части гипостильного квадратного зала, а также наличия выраженной поперечно-осевой композиции порталов. При этом постройка в Эребуни органично сочетает ахеменидский гипостиль и старые элементы урартского храма.

«Дворец-ападана» в *Алтын-тепе II* продолжает линию синтеза двух строительных традиций. Новое сооружение появилось здесь после разрушительного землетрясения. Дворец был встроен в бывший урартский храмовый комплекс: для его создания использовались стены крепости, двора храма и части служебных построек¹⁷. Ападана Алтын-тепе представляет собой прямоугольный (44×25 м) в плане 18-колонный (3×6) гипостильный зал на искусственной каменной террасе. Такое решение гипостиля ближе к раннеахеменидскому зодчеству – колонному залу «дворца S» в Пасаргадах. При этом круглая ступенчатая форма каменных баз колонн Алтын-тепе не характерна для персидских образцов и, по-видимому, следовала местным прототипам. Гипостиль имеет осевую композицию с одним северо-восточным входом в зал. В результате архитектура дворца Алтын-тепе при наличии характерных ахеменидских черт в большей степени отражает специфику местного зодчества западной Армении. Примечательно, что решение гипостиля дворца Алтын-Тепе напоминает конфигурацию колонных залов «протоападан» в Пасаргадах. Эти параллели могут указывать на более раннюю дату постройки ападаны Алтын-тепе, возведенной, возможно, в эпоху Кира II или Камбиза как одна из резиденций в новой сатрапии.

Ахеменидская постройка в Аргиштихинили является сложным для однозначной трактовки памятником, сильно перестроенным в последующую эпоху. Вероятно, к ахеменидскому периоду относится вытянутый прямоугольный 20-колонный (2×10) зал, возведенный в I пол.V в. до н.э. в западной части бывшей урартской крепости на месте более раннего дворца¹⁸. Судя по цилиндрической форме баз колонн урартского типа¹⁹, они были повторно использованы. Аналогично Алтын-тепе, постройка в Аргиштихинили расположена вблизи входа в комплекс. Зал имеет выраженную осевую композицию с двумя входами по оси запад-восток. С южной стороны находится продольное прямоугольное помещение, а с севера – шесть поперечных вытянутых жилых комнат, выходящих к крепостной стене с контрфорсами. Очевидно, что планировка колонного зала Аргиштихинили имеет явное сходство с гипостилем ападаны Алтын-тепе. В целом архитектура новой постройки преимущественно следует традициям местного зодчества с опорой на уже созданное урартское сооружение. Однако это не противоречит процессам «иранизации». Персидская практика повторного использования древних комплексов была продуктивной с точки зрения создания новых административных центров на местах, имеющих значимость и запечатлевших историко-культурные достижения региона.

Дворец в Драсханакерте завершает первую группу памятников провинциального зодчества Ахеменидов. Несмотря на перестройки, его архитектура сохранила изначальный облик V в. до н.э. Дворец из кирпича-сырца имеет квадратную планировку. Он состоит из трех квадратных и прямоугольных четырехколонных залов, окруженных вытянутыми узкими помещениями. Постройка стоит на до-

¹⁷ Summers 1993, 91–92, fig. 2, 4.

¹⁸ Мартиросян 1974, рис. 30.

¹⁹ Ter-Martirossov 2001, 156.

полнительном каменном цоколе; входы расположены с юга и востока. В западном прямоугольном зале была найдена колоколовидная база колонны персепольского типа²⁰. Находки курильниц и ритуальной пластики указывают на сакральные функции восточной части постройки²¹, состоящей из квадратной (северной) и прямоугольной (южной) четырехколонной залы. Здесь было найдено два типа баз колонн: упрощенные базы из квадратного плинта и торуса и композитные базы с плинтом, усеченным колоколом и торусом. Второй тип с лепестковым декором является местной вариацией классических баз Персеполя эпохи Артаксеркса I, благодаря чему можно датировать этот памятник серединой V в. до н.э.²². Планировка центральной части дворца с двумя прямоугольными четырехколонными залами обнаруживает сходство с композицией северных помещений «тачары» Дария I в Персеполе. Найденная параллель является не случайной, поскольку «тачара» также имела сакральное назначение²³. В целом архитектура дворца в Драсханакерте обладает выраженными чертами классического зодчества Ахеменидов как в планировке, так и в решении баз колонн. Данный памятник свидетельствует о важных процессах адаптации архитектурных форм официального стиля и возникновения симбиоза местной и ахеменидской традиций. В результате рассмотренные особенности памятников первой группы наглядно показывают компромиссный характер провинциальной архитектуры «западной Армении», образующей сплав урартского наследия с официальным зодчеством Ахеменидов.

Вторая группа открывается провинциальным комплексом близ села *Гараджамирли*, состоящим из дворца (*Гурбан Тепе*) и ворот (*Идеал Тепе*). На сегодняшний день ансамбль *Гараджамирли* является уникальным памятником провинциальной архитектуры Ахеменидов, поскольку в сатрапиях до сих пор не было обнаружено подобных ансамблей, созданных одновременно по столичным образцам Суз и Персеполя. Вероятно, его строительство относится к периоду 510-х – 470-х гг. до н.э., т.е. синхронно с возведением классических ансамблей Ахеменидов²⁴.

Масштабный *дворец в Гурбан Тепе* представляет собой почти квадратное в плане сооружение из кирпича-сырца. Главный фасад состоит из 12-колонного (2×6) портика, фланкированного по бокам прямоугольными помещениями. В центре дворца расположен квадратный в плане 36-колонный гипостильный зал с выраженной центрической композицией, распространенной в официальной архитектуре Ахеменидов. У западной стены гипостиля напротив входа находится пьедестал для тронного места «Великого царя», что указывает на важную роль этой постройки, по-видимому, предназначавшейся для царских аудиенций и других церемониальных функций. С трех сторон гипостиль огибает единый узкий коридор, прорезающий дворец по всей ширине. С севера и юга от центрального зала находятся квадратные и прямоугольные четырех/шестиколонные помещения. Западная часть дворца состоит из ряда колонных помещений, а также огибающих их коридоров. Найденные базы колонн из местного известняка можно разделить на

²⁰ Аналогичные базы найдены в *Гараджамирли* и *Сары Тепе*.

²¹ Ter-Martirossov 2001, 159, fig. 4; Схожий прямоугольный колонный зал с сакральными функциями был обнаружен в *Ошакане*.

²² Ibid., 160, fig. 5.

²³ Razmjou 2010, 241.

²⁴ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 23.

две группы. Первая представлена колоколовидными базами персепольского типа с круглым плинтом, колоколообразным корпусом, украшенным пальмовыми листьями и торусом. Вторая группа – ступенчатые базы пасаргадского типа с двумя квадратными плинтами и торусом. В этой связи показателен разный уровень качества исполнения баз колонн, что свидетельствует о работе как столичных, так и местных бригад мастеров. За основу планировочного решения центральной части дворца был взят «хадиш» Ксеркса (гипостиль и унифицированный тип башенного фасада, боковые четырехколонные залы)²⁵. В целом дворец Гурбан Тепе отражает основные черты архитектуры официального стиля Ахеменидов. Дпнная особенность может быть объяснена работой зодчих «Великого царя», создававших этот дворец как царскую резиденцию и форпост на северной окраине империи.

Монументальные входные ворота в Идеал Тепе состоят из квадратного в плане четырехколонного зала с двух- (восточный) и четырехколонными (западный) фасадами-портиками, фланкированными угловыми помещениями. С севера и юга к залу примыкают боковые прямоугольные комнаты. Оба портика и колонный зал расположены на единой оси. Колоколовидные базы колонн аналогичны образцам из Гурбан Тепе. Регулярный формат кирпича сырца (34×34×12 см) ворот следует ахеменидскому стандарту (33×33×9 см)²⁶. Внешние толстые стены, соединенные с северной и южной частью ворот, огораживали почти квадратный в плане большой (400×450 м) участок внутреннего пространства дворцового комплекса²⁷, где мог располагаться персидский регулярный сад-парадиз²⁸. Очевидно, что ворота Идеал Тепе принадлежат к ахеменидской типологии пропилей. Прямым прототипом постройки послужила архитектура трипилон в Персеполе. Ворота-пропили в Идеал Тепе служили главным парадным входом в комплекс близ Гараджамирли, который следовал принципам официальной архитектуры Ахеменидов. Столь успешный пример «иранизации» провинциальных памятников может объясняться как царским заказом, так и отсутствием развитой местной строительной традиции.

Ахеменидские памятники в Гумбати и Сары Тепе образуют типологию укрепленной резиденции в провинциальной архитектуре «центральной Армении». По всей вероятности, они являются частью строительной программы Дария I, целью которой было обезопасить северные рубежи империи путем создания целой группы крепостей в восточной части Закавказья. От постройки в *Гумбати* сохранилась лишь южная часть – прямоугольная в плане вытянутая галерея с внутренними помещениями (прямоугольным вестибюлем, квадратной комнатой). В юго-западной части сохранился вход во внутренний двор галереи. Толстые стены, оформленные пилястрами, сложены из кирпича-сырца, размеры которого (32×32×12 см)²⁹ близки к ахеменидским образцам. По углам галереи находятся квадратные башни. Вероятно, изначально они были на всех четырех углах постройки. Центр постройки не сохранился, по-видимому, там находился колонный зал. Это предположение основано на находках пяти фрагментов колоколовидных баз колонн персепольско-

²⁵ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 17, abb. 17, 26.

²⁶ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2010, 122.

²⁷ Knauss, Gagoshidze, Babaev 120, fig. 2.

²⁸ Knauss, Gagoshidze, Babaev 2013, 19.

²⁹ Knauss 2001, 126, fig.3.

го типа, схожих с базами в Гараджамирли и Драсханакерте. Масштаб постройки и характерные черты архитектуры Ахеменидов указывают на то, что в Гумбати располагалась резиденция персидского вельможи или местного вождя, находящегося на службе у «Великого царя». Такие сооружения выступали в качестве укрепленных административных центров, осуществлявших контроль над приграничными регионами.

Памятник в Сары Тепе сохранился наполовину. Изначально он представлял собой большую квадратную в плане галерею, состоящую из 23-х вытянутых помещений. По углам и середине внешних толстых стен галереи из кирпич-сырца находятся выступающие квадратные башни. Размеры кирпича (36×36×12 см)³⁰ также близки к ахеменидскому стандарту. Главный восточный вход в резиденцию расположен между двумя башнями. За галереей располагался двор и квадратное здание с центральным колонным залом, окруженным по периметру 12 помещениями со сквозным проходом. В зале были обнаружены две колоколовидные базы колонн персепольского типа с декором из пальмовых листьев. Они схожи с образцами из Суз, Гараджамирли и Гумбати. Внешние стены галереи, как и центрального здания, оформлены пилястрами. Памятник в Сары Тепе представляет собой тот же тип укрепленной резиденции с выраженными оборонительными функциями. Особенности построек в Гумбати и Сары Тепе, на наш взгляд, позволяют выделить их в отдельную архитектурную типологию ахеменидских приграничных резиденций. Общие принципы планировки этого типа основаны на центральном колонном зале, окруженном по периметру мощной галереей с башнями. В этой связи показательно, что аналогичный принцип построения плана обходной галерей распространен в архитектуре ахеменидских усадеб Бактрии (Кызылча 6, Алтын 10)³¹. В результате данный тип не только находит параллели в столичном зодчестве персов, но и отражает общие тенденции провинциальной архитектуры Ахеменидов.

Завершает вторую группу *памятник в Самадло* (ок. V в. до н.э.), представляющий собой квадратное в плане башенное сооружение из светлого известняка с толстыми стенами. Углы постройки и середины стен выделены контрфорсами. Внутри башни расположено квадратное помещение, вход к которому предположительно находился с южной стороны³². По-видимому, эта постройка имела сакральное значение³³. Сам материал и архитектура башни в Самадло находят прямые параллели в ахеменидских башнеобразных сооружениях Пасаргад и Накш-и Рустама. В то же время по соотношению ширины стен и размера внутреннего помещения постройка Самадло ближе к пропорциям урартских храмов-башен. Вероятно, данный памятник испытал влияние официального ахеменидского зодчества, дополненного чертами урартских прототипов, в результате чего возник синкретический образец постройки башенного типа в провинциальной архитектуре Ахеменидов севера империи. Важно отметить, что для второй группы в целом характерно прямое обращение к образцам официального стиля персов при незначительном влиянии локальной традиции.

³⁰ Нариманов 1960, 163, рис. 1.

³¹ Сагдуллаев 1987, 45–46, рис. 35.

³² Knauss 2006, fig. 9.

³³ Гагошидзе 1979, 41.

Заключение

Рассмотренный материал провинциальной архитектуры Ахеменидов в северных областях империи позволяет выделить как минимум две группы памятников, в которых получил свое отражение официальный стиль. Предложенная классификация по территориальным и культурным особенностям областей дает возможность подробно изучить проблему влияния официального стиля Ахеменидов на локальные традиции в соответствии со спецификой регионов. Первая группа представляет свой вариант провинциальной архитектуры, в которой большое значение имеет наследие Урарту. Консерватизм этой группы обусловлен не только местной развитой строительной традицией, но и прагматичной политикой Ахеменидов, направленной на трансформацию уже имеющихся комплексов в новые центры сатрапий. В этой связи урартские реминисценции являются логичным результатом этой политики. Отражение официального стиля в первой группе памятников можно охарактеризовать как баланс привнесенных архитектурных форм с традиционным зодчеством, определившим степень внедрения новых решений.

Вторая группа более примечательна для исследования проблемы влияния официальной архитектуры Ахеменидов, поскольку предоставляет редкий для провинциального зодчества империи вариант прямого следования типологии, конструктивным приемам и ордерным формам столичных памятников Ахеменидов. Столь успешное внедрение образцов официального стиля может быть объяснено высокой степенью интеграции данного региона в административную систему империи из-за выбранной персами для этой области стратегии аккумуляции. Архитектурные особенности памятников второй группы указывают на работу приглашенных из Ирана мастеров либо местных строителей, обучавшихся в столичных мастерских. Специфика этого варианта провинциальной архитектуры связана с ориентацией на официальные постройки Ахеменидов в Сузах и Персеполе, а также на общие тенденции в зодчестве восточных сатрапий, реализованные в типологии укрепленных резиденций. При этом местный компонент для второй группы остается слабовыраженным и заменяется унифицированными принципами официальной архитектуры Ахеменидов.

Подводя итог, важно отметить, что провинциальное зодчество северных областей империи является актуальным направлением в исследовании процессов влияния официального стиля Ахеменидов на локальные художественные школы сатрапий. Особая ценность памятников севера заключается в их репрезентативности и сохранности, позволяющей изучить их в контексте общего развития архитектуры империи Ахеменидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гагошидзе, Ю.М. 1979: *Самадло. Археологические раскопки*. Тбилиси.
Лордкипанидзе, Г.А. 1978: *Колхида в VI—II вв. до н.э.* Тбилиси.
Маргиросян, А.А. 1974: *Аргиштихинили*. Ереван.
Нариманов, Я.Г. 1960: Находки баз колонии V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. *Советская Археология* 4, 162–164.
Оганесян, К.Л. 1961: *Арин-Берд I, Архитектура Эрбуну по материалам раскопок 1950—1959 гг.* Ереван.

- Сагдуллаев, А.С. 1987: *Усадьбы древней Бактрии*. Ташкент.
- Brosius, M. 2010: Pax Persica and the People of the Black Sea Region Extents and Limits of Achaemenid Imperial Ideology. In: Nieling, J. & Rehm, E. (ed.), *Achaemenid Impacts in the Black Sea: Communication of Powers*, 29–40.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. L. Reichert, Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B, Geisteswissenschaften Nr. 87. Wiesbaden.
- Knauss, F. 2001: Persian rule in the North: Achaemenid palaces on the periphery of the empire. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens 4* (Aarhus), 125–143.
- Knauss, F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus. *Iranica Antiqua* 41, 79–118.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2010: A Persian Propyleion in Azerbaijan: Excavations at Karacamirli. *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*, 111–122.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2013: Karacamirli: Ein persisches Paradies. *Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 004, 1–28.
- Razmjou, S. 2010: A Reinterpretation of Palaces and Their Function. In: Curtis J., Simpson St. J., Tauris, I.B. (ed.), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East, Proceedings of a conference at the British Museum*. L., 240–241.
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Schmidt, E. 1953: *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago.
- Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961-1963*. Oxford.
- Summers, G.D. 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey. *Anatolian Studies* 43, 85–108.
- Ter-Martirossov, F. 2000: The Typology of the Columnar Structure of Armenia in the Achaemenid Period. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens, 4* (Aarhus), 155–163.

REFERENCES

- Brosius, M. 2010: Pax Persica and the People of the Black Sea Region Extents and Limits of Achaemenid Imperial Ideology. In: Nieling, J. & Rehm, E. (ed.), *Achaemenid Impacts in the Black Sea: Communication of Powers*, 29–40.
- Gagoshidze, YU.M. 1979: *Samadlo. Arheologicheskie raskopki [Samadlo. Archeological Excavations]*. Tbilisi.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. L. Reichert, Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B, Geisteswissenschaften Nr. 87. Wiesbaden.
- Knauss, F. 2001: Persian rule in the North: Achaemenid palaces on the periphery of the empire. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens 4* (Aarhus), 125–143.
- Knauss, F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus. *Iranica Antiqua* 41, 79–118.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2010: A Persian Propyleion in Azerbaijan: Excavations at Karacamirli. *Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers*, 111–122.
- Knauss, F., Gagoshidze, I., Babaev, I. 2013: Karacamirli: Ein persisches Paradies. *Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 004, 1–28.
- Lordkipanidze, G.A. 1978: *Kolhida v VI–II vv. do n.e. [Colchis in VI–II BC.]*. Tbilisi.
- Martirosyan, A.A. 1974: *Argishtihinili*. Erevan.

- Narimanov, YA.G. 1960: Nahodki baz koloni V–IV v. do n. e. v Azerbajdzhane [Findings of column bases of V–IV BC. in Azerbaijan]. *Sovetskaya Arheologiya* [*The Soviet Archeology*] 4, 162–164.
- Oganesyan, K.L. 1961: *Arin-Berd I, Arhitektura Erebuni po materialam raskopok 1950–1959 g.* [*Arib-Berd I, The Architecture of Erebuni According to Excavations of 1950–1959*]. Erevan.
- Razmjou, S. 2010: A Reinterpretation of Palaces and Their Function. In: Curtis J., Simpson St. J., Tauris, I.B. (ed.), *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East, Proceedings of a conference at the British Museum*. L., 240–241.
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Schmidt, E. 1953: *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago.
- Stronach, D. 1978: *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961-1963*. Oxford.
- Summers, G.D. 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey. *Anatolian Studies* 43, 85–108.
- Ter-Martirossov, F. 2000: The Typology of the Columnar Structure of Armenia in the Achaemenid Period. In: Nielsen, I. (ed.), *The Royal palace institution in the First Millennium B.C. Monographs of the Danish Institute at Athens* 4 (Aarhus), 155–163.

THE ACHAEMENID OFFICIAL STYLE AND ITS REFLECTION IN THE ART OF NORTHERN SATRAPIES ON THE MATERIAL OF ARCHITECTURE

Ramil' R. Vergazov

Lomonosov Moscow State University, Russia,
vergazov-ramil@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the Achaemenid official style on the architecture of northern satrapies of the Empire, providing the representative range of Achaemenid-related monuments. The investigation of main building types (apadana palace, “Khadisha”, entrance gate-propylaea and the tower structures) in Pasargadae, Susa and Persepolis revealed characteristic features of the official Achaemenid architecture, which are implemented in the provincial architecture of the satrapies. These include the hypostyle multicolumn halls, the standardized type of façade-portico, the principle of the strict symmetry in layout, the specific order decoration and general planning principles based on the typology of the palaces of Persepolis. The first group represents the synthesis of the official Persian architecture with the local developed building tradition, inherited the achievements of Urartu architecture. The first group includes monuments of the Achaemenid era in Erebuni, Altyn-Tepe, Argishtikhinili and Draskhanakert. Buildings of the second group are remarkable for the direct emulation of the classic examples of the official Achaemenid architecture with the slight influence of the local tradition. The second group consists of monuments in Qurban and Ideal Tepe (near Karadzhamirli), Sara Tepe, Gumbati and Samadlo. The article describes the typology, building principles and order forms of provincial monuments in northern regions, as well as examines the characteristic of the synthesis of the Persian official style and local building traditions in both groups.

Key words: architecture, Achaemenid Empire, the official style, the north of empire, satrapy Armenia